

ГЕРМЕНЕВТИКА
ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

STUDIA PHILOLOGICA

ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫПУСК 11

Ответственный редактор
М. Ю. Люстров

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ

Москва 2004

ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Г 37

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 03-04-16101

Экспертный совет:

*О. В. Гладкова, А. С. Демин,
И. Г. Добродомов, В. М. Кириллин*

Г 37 Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11 / Об-во исследователей Древней Руси; Отв. ред. М. Ю. Люстров. — М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. — 912 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0030-X

Книга является собранием статей, посвященных русской истории, литературе, искусству, общественной мысли XI — начала XVIII вв. Основу сборника составляют работы сотрудников отдела древнерусской литературы и участников семинария исследователей древнерусской литературы ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, представляющие различные научные школы и направления.

Книга адресована в первую очередь подготовленным читателям — ученым-медиевистам, преподавателям вузов, аспирантам и студентам-филологам, историкам, искусствоведам.

ББК 83.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0030-X

9 785955 100302

© Авторы, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обобщающие темы

<i>А. С. Демин.</i> Из истории древнерусского литературного творчества XI–XVII вв.	9
<i>О. Н. Бахтина.</i> Старообрядческая литература в контексте христианской традиции понимания слова	132
<i>Д. С. Менделеева.</i> О книжных традициях аввакумовской образности ...	153
<i>В. Д. Черный.</i> Зримые образы слова (истоки, функции и выразительные возможности древнерусских изображений)	173
<i>Р. А. Симонов.</i> Литература Древней Руси в календарно-математическом и сокровенном контекстах	202
<i>М. Ю. Люстров.</i> Шведско-русские литературные связи в первой половине XVIII в.	268

Жития и церковные сказания

<i>О. В. Гладкова.</i> «Житие Евстафия Плакиды»: от Нестора до Милорада Павича	281
<i>Л. Н. Коробейникова.</i> О сюжетосложении «Жития Галактиона и Епистимии» (к проблеме типологии переводных византийских житий)	321
<i>Л. Н. Коробейникова.</i> История текста «Жития Галактиона и Епистимии»: предварительные наблюдения	351
<i>А. М. Ранчин.</i> Из наблюдений над пространственной структурой в сказаниях Киево-Печерского патерика	367
<i>А. Чиварди.</i> Влияние <i>Zywotów Świątych</i> на Четьи-Минеи: краткий обзор вопроса в научной литературе (1849–1994 гг.)	380
<i>В. М. Кириллин.</i> «Повесть о новгородском белом клобуке»: время происхождения и соотношение первых редакций	393
<i>Т. В. Марелло.</i> Макариево-Унженский монастырь в первой половине XVIII века: К вопросу о литературной деятельности игумена Леонтия	438
<i>С. М. Шамин.</i> Легенда о святом-камнеплавце в русской литературной и фольклорной традиции	471

Летописи и исторические сочинения

<i>Л. И. Щеголева.</i> О символике чисел в греческом тексте Евангелия от Иоанна	483
<i>А. А. Шайкин.</i> Тропы в «Повести временных лет»	505
<i>А. Л. Никитин.</i> О Радзивилловской летописи	526
<i>Н. В. Трофимова.</i> Из истории древнерусской воинской повести	558
<i>К. Ю. Ерусалимский.</i> Как сделана «История» А. М. Курбского: проблемы хронологии текста	591

«Слово о полку Игореве»

<i>А. А. Горский.</i> К источниковедению «Слова о полку Игореве»	621
<i>А. Л. Никитин.</i> «Слово о полку Игореве» в контексте изучения древнерусской истории и литературы	647
<i>А. М. Зеленокоренный.</i> О некоторых выражениях из «Слова о полку Игореве»	669

Послания и грамоты

<i>Т. В. Марелло, И. В. Дергачева.</i> Некоторые философские аспекты «Послания о рае» Василия Калики Феодору Доброму	685
<i>А. В. Кузьмин.</i> Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в. (Ч. I: Всеволож Заболоцкие, Вольнские, Липятины)	701
<i>А. И. Филюшкин.</i> «Послание к игумену» новгородского архиепископа Феодосия	784
<i>В. В. Дубовик.</i> Об особенностях цитации в текстах Тимофея Акиндинова	802
<i>Н. Б. Карданова.</i> Грамота царя Алексея Михайловича и современный ей перевод на итальянский язык	828

Разное

<i>А. А. Опарина.</i> К проблеме автора и времени создания «Хождения купца Трифона Коробейникова по святым местам Востока»	869
<i>Т. Г. Велиханлы (Джафаров).</i> Русско-турецкие контакты в описании русских посольских повестей (на материале «Посольства Ивана Новосильцова в Турцию»)	887
<i>Дж. Ревели.</i> Литературные источники «Российской Памелы» П. Львова: некоторые наблюдения	894

ОБОБЩАЮЩИЕ ТЕМЫ

А. С. Демин

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА XI—XVII вв.

Наивно, но верно: древнерусскую литературу мы изучаем, чтобы лучше ее понимать. Стремление к пониманию — это основная наша потребность.

В настоящее время существуют три взаимосвязанных, но все-таки различающихся направления, или уровня, в изучении (понимании) древнерусской литературы; просто назову их, не вдаваясь в большие пояснения: 1) источниковедческое направление, самое традиционное и самое востребованное поныне; 2) идеологическое направление, зарекомендовавшее себя давно и очень почитаемое сейчас тоже; 3) эстетическое направление, сравнительно еще новое и не слишком популярное у исследователей из-за его недостаточной разработанности.

Об эстетическом направлении (понимании эстетики памятников) скажу чуть подробнее. При чтении древнерусских литературных памятников мы обычно в первую очередь получаем эстетические впечатления, а рефлексируем уже более или менее потом, особенно тогда, когда впечатления от чтения не соответствуют нашим ожиданиям или расхожим представлениям о памятнике. Ожидали одно, а получили другое. Например, ожидали ясно выраженного патриотизма от памятника, а столкнулись с крайне невнятным изложением. Вот почему самое главное для русиста-медиевиста эстетической направленности — это изучение реально проявившегося литературного творчества древнерусских авторов, то есть манеры (формальной и смысловой струк-

туры) повествования, принятой в памятнике. Через повествовательную манеру гораздо тоньше раскрываются литературные традиции, авторские цели, идеи и представления, чем при систематизации прямых высказываний автора на этот счет. Именно эстетическое изучение (понимание) произведений позволяет нам точнее всего предупредить нынешних читателей о том, чего следует ожидать от древнерусской литературы.

Как все это удастся связать и понять, конечно, с разной степенью полноты, глубины и обоснованности, можно увидеть из предлагаемой статьи, составленной из десяти недавно написанных мной очерков о повествовательной манере нескольких древнейших переводных памятников, а затем памятников оригинальных — «Слова о Законе и Благодати» Илариона, «Жития Феодосия Печерского» Нестора, «Слова о полку Игореве», «Слова о гибели Русской земли» (в двух очерках — третьем и пятом), «Жития Александра Невского», «Задонщины» (в двух очерках — в пятом и десятом), «Псковской второй летописи», «Хронографы 1512 г.», «Степенной книги», «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»*. Благодаря серии очерков становится заметной эволюция принципов древнерусского литературного повествования, хотя общая картина получается еще очень отрывочной, тем более что нередко манера повествования не так уж отчетлива, а ее связи с целями, идеями и представлениями автора и с исторической обстановкой недостаточно ясны.

1. Семантика перечислений в литературе

XI — начала XII в.

Некоторые переводные произведения

В древнейших памятниках очень часто использовалось всепроникающее и, оказывается, семантически разнообразное литературное средство — перечисления. Рассмотрим лишь наиболее интересные случаи, начиная с беглого обзора произведений переводных и перечислений самых архаических, составивших некий исходный фон литературных образцов для древнерусских авторов.

В так называемой хронографической «Александрии» перечни, по нашим наблюдениям, архаичнее всех: они еще сохранили внелитературные корни, как бы не оторвались от торжественных хозяйственных описей и указывали только важнейшие части того или иного значительного объекта. Например, описывалась драгоценная «дщица»: «златомъ и сланомъ обложена, имеющи звездъ 7 и чястныи стражь, солныце же и луну, солныце же убо кристално, а луна адаматина, другыи нарицаемыи Зеусъ въздушныи, другыи же Кронъ змиевъ, Афродитъ самъфирова» и т. д.¹ — опись называла только самое важное у знаменитой «дщицы», потому что всего ее состава, как оговаривалось тут же, «слово указать не можеть». Так же описан далее царский дворец — только важнейшие части его обстановки, потому что «от множества не можемъ исказати великия доброты их» (110).

В «Александрии» встречалось немало таких семантически аналогичных перечислений, содержавших обозначения целого и лишь его важнейших частей: «зверие ихъ суть: тигры, лвове, слонове, буяюще своею силою» (81) — перечислены не все звери некоей опасной местности, а только самые сильные; или: «имени наша есть земля, древа плодоносная, светъ, солныце, луна, звездныи ликъ и вода» (85) — указаны только крупнейшие части просторного «имения» бескорыстных рахман; или даже без обозначения целого: «и бяше видети везде огонь, и камение, и стрелы, и сулица испущаа» (52) — упомянуты самые смертоносные орудия битвы, лишь подразумеваемой, но не названной в этой фразе. Все это элементы достаточно простого и безыскусного изложения. Так, по крайней мере, они выглядят в переводе «Александрии».

Совсем иное впечатление производят перечисления в «Слове о царствии язык последних времен» (или «Откровении») Мефодия Патарского. Перевод «Слова» Мефодия Патарского содержал в абсолютном большинстве даже не перечни, а парные сочетания родственных понятий, которыми повествователь лаконично обозначал всю полноту состава того или иного явления. Например, когда говорилось о том, что мужи, одевшись в женские ризы, «по стьгнамъ града ходяще и по торжищемъ предъ всеми»², то, судя по оговорке «предъ всеми», парное сочетание стогн и торжищ подразумевало весь град полностью, со всеми его жи-

телями. Или когда повествователь предрекал, что, очевидно, в города «дивии осьлии приидут и сърны от пустыня, и всяк род зверинъ узрят человеце» (277), то подразумевалось нашествие всех видов диких зверей, полностью «всяк род зверинъ», а не только ослы и серны. Когда рассказчик пророчил, что род измаилтян «в руце цесаря гръчьска преданъ будетъ оружиемъ и примучениемъ, и будетъ ярѣмъ гръчьскъ съторицею на них» (279), то сочетанием «оружие и примучение» рассказчик обозначил вообще весь состав насилий, который и обобщил понятием «ярем»; когда повествователь предупредил, что измаилтяне «наругатися начнуть и насмивати ходящимъ по Божии заповеди уродскими и буими беседами» (276), то опять-таки парой глаголов «наругатися и насмивати» обозначил все виды многообразных оскорбительных речений, то есть «уродских и буиных бесед» измаилтян по отношению к христианам. В «Слове» Мефодия Патарского содержится огромное количество парных перечислений, демонстрирующих архаический лаконизм в характеристиках явлений, литературную ценность изложения.

Парные сочетания с их семантикой входили, наверное, в самый архаичный пласт собственно литературных средств (ср. «стилистическую симметрию» — особенно псалмов)³, но глубина их архаичности уже колебалась в переводе «Слова» Мефодия.

Система парности содержала заметные нарушения в переводе «Слова» Мефодия Патарского. Многие пары превратились в формулы, которые имели гораздо более узкий смысл. Например, формула «человеци и скоты» уже не означала «все живое от человека до скотов»; ее смысл теперь: «все люди». Когда повествователь писал, что «скончается печаль на человецехъ и на скотахъ, и будутъ гладь и смерть, измждають человеце и распрашатся, акы персть, по всеи земле» (278), то он имел в виду только людей и даже забыл об условно упомянутых скотах. Если же требовалось обозначить все живое, то к формуле «человеци и скоты» делались разные прибавки: «пущень есть по всеи земле на человеки, и на скоты, и на звери...» (275), «и будутъ вси под властию: и человеце, и скоти, и птица небесныя...» (276).

Отдельные парные сочетания не содержали однородных понятий и семантически соотносились с иными повествовательными формами. Так, перечисление «падутъ въ гресехъ и во смраде»

(276) соотносилось с определительным словосочетанием «падут в смрадных грехах»; перечисление «одержими будутъ вси молчаньемъ и страхомъ» (276) тяготело к причинно-следственному высказыванию «одержимы будут все молчанием из-за страха».

В переводе «Слова» наличествовали также перечисления фактически единичных элементов, которые только по формальной привычке перечислялись парами (например, «мучителе воеводы, их же имена си суть: Ориивъ и Зивъ, Изееве и Салмона» — 271).

В переводе «Слова» и внешняя парность в перечнях местами начала разрушаться, и между парами стали внедряться одиночные элементы. Так, описывалось «приношение ко святымъ: любо злато буди, любо сребро, любо камень честное, любо медь, любо железо, любо ризы, любо честней хлеби темъ летию будутъ» (276) — золото с серебром и медь с железом образовывали пары, но в одиночку стояли камень, ризы, хлеба. Интересно, что в болгарском списке 1345 г. «Слова» Мефодия (а «Слово» пришло на Русь из Болгарии) вместо одиночного словосочетания «честней хлеби» присутствовала, возможно, первоначальная пара: «и брашна въсе и сънеди честнии» (221).

Самым же распространенным в древнейший период являлся несколько иной смысл перечислений. Во многих переводных произведениях перечисления были довольно длинны и означали не просто полноту, но исчерпанность всех разновидностей или частей явления. Очень много таких перечислений в Евангелии. Например, Евангелие от Матфея, V, 44, по «**Архангельскому Евангелию**»: «любите врагы ваша: благословите кльнущая вы, добро творите ненавидящихъ васъ, молити за творящая вамъ напасти, изгонящая вы благословите»⁴ — под врагами подразумевались как бы все возможные виды врагов: клянущие, ненавидящие, творящие напасти, изгоняющие; так же и в понятие «любити» вошли как бы все проявления любви: благословлять, добро творить, молить за любимого. Интересно, что приписка русского писца XI в. в «Архангельском Евангелии» содержала тот же вид перечисления, претендующий на исчерпанность: «отягъченъ грехы бечисльными... помышляя сластолюбие, похотение, свары, пьянство — просто рекъше, *вся злая*» (390—391), — писец подразумевал исчерпывающий список грехов, составляющих понятие «вся злая».

Принцип характеристики явления исчерпывающим перечислением его разновидностей или состава был провозглашен в **апокрифе о Енохе** — тот объявлял: «Тогда раздреси Господь векъ человека ради и раздели е на времена и лета, на месяци, и дни, и часы... И се, чада моя, азъ правлема по земли промитая исписахъ, и лето *все* складохъ и часи деньнии, и часы размерихъ, и исписахъ *всяко* семя на земли, и изровнавахъ *всяку* меру, и превесу праведну измерихъ и исписахъ»⁵. И далее: «И видехъ адъ отверсть... и снидохъ, и исписахъ *все* суды судимыхъ, и *все* въпросы ихъ уведахъ» (22), «видите, азъ *вся* дела всякого человека написываю» (23). Так создавалось обстоятельное, солидное изложение.

Перечисления со значением исчерпанности всех разновидностей явления, сигнализовавшие об обстоятельности предлагаемого повествования, были распространены и в житиях, в частности в **«Житии Мефодия Моравского»**, где, например, пояснялось, каким букетом качеств обладали слова и дела Мефодия: «ярость, тихость, милость, любовь, страсть и търпение — *все о всячьскихъх* бывая» — подчеркнут охват именно «всяческих» качеств⁶. Многие перечни в этом житии делали упор на «всячскость» перечисляемого; например, тело усопшего Мефодия провозжали «мужьскъ полъ и женьскъ, малии и велиции, богатии и убозии, свободьнии и рабы, въдовиця и сироты, страньнии и тоземьци, недужьнии и съдравии — *вси* бывъшааго *всячьско* *всемъ*» (198). Или беды, в которые попадал блаженный, перечислялись как вездесущие и всеисчерпывающие: «На *всехъ* же путьхъ въ *многы* напасти въпадъше от неприязни: по пустынямъ — въ разбоиники, и по морю — въ вълны ветръны, по рекамъ — въ смъртньны незапъны» (197).

Перечисления со значением исчерпанности проникали всюду, в том числе в повести. Оттого вставки во вторую редакцию «Александрии» отличались уже иным характером перечней, обозначающих в отличие от первой редакции не важнейшие части целого, а исчерпанность его разновидностей или состава, хотя части перечислялись не буквально все. Так, во вторую редакцию «Александрии» было включено сочинение Палладия Еленопольского **«О рахманех»**, где автор сообщал, что у рахман «несть четвероножиць, ни оратвы, ни железъ, ни здания, ни огня, ни пло-

да, ни вина, ни ризы, ни иного ничто же, еже на дело прекланяется или на наслаждение бывающее» (109, ср. 200–201) — этим перечнем автор как бы исчерпал все в материальной жизни. Иногда для исчерпанности автору было достаточно перечислить три элемента: «имамъ все — землю, воду, въздухъ» (117); а бывало, автор по-старому ограничивался и двумя элементами, означавшими все целое: «вльковъ же и лвовъ и *всехъ* зверии горши есте вы» (125) — «все зверии», а упомянуто лишь два. В прочих вставках во второй редакции «Александрии» перечни также имели то же значение исчерпанности.

Однако указанными видами перечислений («наполняющими» и «исчерпывающими») дело не ограничивалось. Так, «Хроника» Георгия Амартола более чем обильна перечислениями. Судя по переводу, повествователь бесконечное число раз употреблял парные сочетания, традиционные по семантике, однако не менее часто использовал уже троичные сочетания, притом с обобщающими словами, которыми обозначал некие расширенные, более крупные явления, чем следовало из самих перечислений, что не свойственно только «наполняющей» семантике парных сочетаний. Например, в перечислении «мужеубица и тати прочая *безаконьствующая*»⁷ повествователь имел в виду не только совокупность разного рода разбойников, как это обозначило бы парное сочетание («мужеубица и тати»), но всех преступников вообще, что и раскрывал третий, обобщающий элемент перечисления («безаконьствующая»). Так же в перечислении «на пустоштво уця цесаря, на безаконие и *злюбия все*» (537) расширяющий смысл перечисления раскрывал третий, обобщающий его элемент — не отдельные нарушения, но все злое.

Расширяющий смысл троичных перечислений поясняли также обобщающие слова в окружающем контексте этих перечислений. Например, описание весны: «начинаемуса еару, рекше *весне*: земля прозябаеть зело траву, и пажити цвьтуть, и древа ражають плоды» (220) — не просто земное изобилие, как следовало бы из парных сочетаний, а больше того — весна. Или: «начать скорбети, и улютати, и тужити, и съ уныниемъ жития си разруши» (103) — не просто огорчение, но погибель. Нередко обобщающие слова указывали на расширенный количественный смысл троичных перечислений: «пришедъшу ему в Египеть въ *силе*

тяжъце — на колесницах, и на слонех, и вои многыми» (200) — не просто войско, но «сила тяжка». Или: «имеюще с собою *множество много* от цесарских дружинъ, и от гридеи, и от чиновъ» (554) — не только отборные воины, но таких «множество много».

В переводе «Хроники» были также нередки уже не троичные, а довольно длинные перечисления, тоже с расширительным смыслом и соответствующими обобщающими словами. Например: «...недугъ приимъ, различными страстьми разделяше: огонь бо силенъ бе, сварбъ же бесчисльнии по всему телу и по лицу, и въ оходъ беспрестани страсти, и на ногу струпи смердящии, утробе же горящи, и сраму гниующу черви испущаше, и къ симъ простодушья и злодушья растерзание всемъ удомъ его бяше, и скверный смрадъ из усть его исхожаше воину... толику имяше *болезнь нестерпиму*» (216) — в результате, это не просто недуг, а «болезнь нестерпима». Наиболее частым смыслом длинных перечней, бывало из 10–20 и более элементов, являлся смысл количественный: мол, чего-то чрезвычайно много; поэтому завершались такие перечисления словами «и прочии прочая», «много же множайше», «и ина многа и различна и бесчислена» и т. д. Стремлением к масштабности повествования и были порождены подобные «расширяющие» перечни.

«Наполняющая», «исчерпывающая» и «расширяющая» семантика перечислений не всегда резко различалась и вполне уживалась даже в границах одного и того же произведения, объединяя манеры литературного изощренного, обстоятельного и масштабного повествования.

Более редкой семантической особенностью (тоже не очень четко отсекаемой от других смыслов) отличались перечни в переводном «**Мучении Иринии Мегидской**», содержавшем немало традиционных парных сочетаний, однако большинство перечислений в переводе «Мучения» являлось некими сюжетами, историями, перечисляемые качества неудержимо переходили в действия. Например: принесено к Иринии «отроча б лет, утрапиво и зело исъхло, исхожаху бо ему из ноздри чървие съ гноемъ, врежена ему слуха, немо и глухо, и отинудь въсеми болезнями одържимо»⁸ — в этой фразе перечень обозначил как бы осмотр отрока целительницами («видевъши же е святая... възъмъши

отроча въ руке»). Такое же движение к сюжету наблюдается, например, в описании красоты Иринии: «лепа и прелепа видени- емь и красьна тельмь, яко чюдити ся вьсемь человекомь о добротѣ ея» (135) — изложение не замыкается на статическом перечислении «доброт» царевны, но упоминает взирание на красоту («цесарь же видевь, яко доброта ея подобляше ся лучамь солнечнымь»), реакцию взирающих («чюдитися... человекомь», «цесарь... възвести цесарици» о красоте дочери и пр.).

При перечислении существительных в переводе «Мучения» особенно был отчетлив переход к действию, сюжету. Вот, например, осуждаются язычники: «*бысте лишающе* нищяя, а врази Богу живому, слугы бесомь, прелюбодеи, блудьници, лъстыци и мноземь блазнителе, не престающе бо *сверенеете*» (139) — показательно, что начинается и кончается перечень приложений указанием именно действий, стремительно нарастают греховные устремления язычников, в этом заключается своеобразный сюжет этого перечня. Перечисление существительных нередко переходило в преобладающее перечисление глаголов: «ты еси сътяжание Божие и причьтъ творению Исус Христову, ты своего отца не *остави*, ты родителя из мьртвьихъ *оживи* и руку ему *ицели*» (144–145) — похвала превратилась в напоминание о чудесных деяниях Иринии, стала явно сюжетной.

В «Мучении Иринии» даже перечисление только одних существительных все равно имело сюжетный оттенок. Например: «Народи же видевьше безаконьнымима погубление, и отрочати ицеление, и демону явление...» (154) — это краткое изложение предыдущих событий, рассказанных в житии. Или же: «Вънезапу же бысть въздухъ и съмятение, и быша мълния и громи, и боязнь велика» (149) — сюжет разворачивается прямо на глазах. Описание составных частей некоего сооружения превращалось в строительный сюжет: «помыслихъ... създати стьльпъ, имущъ покровъ 13 и двьри 13, одрь 6; окрьсть же стьльпа быти стене, и да будут стрегущей его; сътвориве... трапезу злату и 3 чаше, и в нем же есть злато, и вьси съсуди... да будутъ злати...; да будетъ же и престоль златъ и подьношение; вода же ключи вьсходящи до 3 на десяте премость... да будутъ же и сади различни вь дворехъ имуще плоды цесарьскы...» (135–136) — столп последовательно обозревается извне, от входов и до внешней ограды, и изнутри,

от обстановки и столовых приборов в помещении до фонтанов и насаждений во двориках.

Сюжетны в «Мучении» многие троичные и даже парные сочетания, особенно глагольные: «седаючи и едущи» (136), «не дивиши ли ся и трепещеши» (141), «очищается ся и хранить ся не съгрешати» (155) и пр. — развитие действия налицо в каждом сочетании. Сюжетны троичные и парные сочетания существительных: «бысть биение, и плачи, и слъзы» (137), «въздвигни на мя раны и принеси мучения» (158) — действие, несомненно, развивается. Сюжетными предстают и сочетания прилагательных: «имя твое велико и дивно» (138), «горькъ и лють есть» (140), «мали дние твои и въскоре конецъ твои» (156) — как бы причины и следствия заключены в каждой паре.

Большие перечисления тем более сюжетны в «Мучении Иринии»; таково напоминание о сотворении мира: «Богъ же... сътвори небеса, солнце и луну, звезды, яже ищъте; основа великую стену земли; повеле водамъ тещи на службу нашу; дасть же и древа различная...; сътвори же вся четвьрьногая, гады, пѣгица; съдела же человека...; положилъ есть... мълнїя на службу плодомъ землянымъ; ...нарече свет день, а тьму ночь; положи години, месяца, и времена, и лета» и пр. (140).

«Сюжетные» перечисления, по-видимому, были свойственны повествованию, стремившемуся к увлекательности.

«Сюжетная» семантика перечислений в переводных произведениях, наряду с «наполняющим», «исчерпывающим» и «расширяющим» смыслами перечислений, давала возможности для выбора повествовательных средств и манер изложения древнейшим русским авторам, которые тем не менее пошли своим путем.

«Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона

Русский материал уже можно рассмотреть поглубже, чем переводный, тем более что знаменитое «Слово о Законе и Благодати» Иларион, сочинитель духовный, очень идеологичный, но при этом литературно искусный, почти сплошь составил из перечислений буквально в каждой фразе.

Смысл перечислений у Илариона нередко не совсем тот, какой мы привыкли ожидать от перечислений нынешних. Так, в

выражении «крепокъ и силенъ Богъ»⁹ мы привычно ищем цельный смысл, получающийся из сочетания двух синонимичных эпитетов, — то ли единое родовое понятие на основе видовых, то ли пояснение либо усиление одного понятия другим. Но ничего этого у Илариона не было. В действительности же Иларион в своем «Слове» был склонен обозначать сходные темы, мотивы в виде повторяющейся мозаики слов — это одна из особенностей манеры его повествования. Отрывок из похвалы Богу, выражение из которого приведено выше, посвящен принятию христианства народами: «Къ живущимъ бо на земли человекомъ... *приде*... да... познають *посещение* свое и Божие *прихождение* и *разумеютъ*, яко ть есть... *крепокъ и силенъ Богъ*» (13). Обратим внимание на цепочку слов «живущий — земля — прийти — посещение — разуметь — крепкий и сильный». Вот похвала уже Владимиру Крестителю, а Иларион повторил в ней словесный набор, аналогичный предыдущей похвале (курсивом выделены повторенные слова): «Сии... Влодимеръ... *укрепевъ*... *крепостию и силою* съвершаяся... *живущю и землю* свою пасущу... *приде* на нь *посещение* Вышняго... и въся *разумъ* въ сердци его, яко *разумети*...» (27).

Далее в «Слове» следует еще одна похвала Владимиру за крещение, и Иларион снова повторяет словесные элементы предыдущих похвал за крещение же: «славный — возмужать — крепость и сила — мужество — смысл — правда — разум — идольский — возгореть». Ср. первую похвалу Владимиру: «Сии *славныи*... Влодимеръ... *възмужавъ, крепостию и силою* съвершаяся, *мужствомъ* же и *смысломъ* предъспеа ... землю свою пасущу *правдою, мужствомъ, же и смысломъ*... и въся *разумъ* въ сердци его, яко *разумети* суету *идольскыи* лъсти... *възгоре* духом...» (27). Ср. вторую похвалу: «...*славныи*... *премужственныи*... почюдимся *крепости* же и *силе*... яко тобою... лъсти *идольскыи* избыхомъ... друже *правде, смыслу* место... *како разгоресе* въ любовь Христову, како въселися въ тя *разумъ*...» (29). Повторявшиеся перечисления «крепокъ и силенъ», «крепость и сила» вместе с россыпью других повторяемых слов являлись у Илариона своего рода постоянно перебираемыми четками повествовательной темы о принятии христианства.

Указание мозаикой слов на ту или иную важную повествовательную тему — вот главная литературная цель Илариона. Поэтому повторявшиеся в «Слове» перечисления, как правило, вклю-

чали в себя и не синонимичные, а продиктованные сходством их сюжета элементы. Ср. призывы к восхвалению с цепочками синонимичных или привлеченных по смежности слов «прославить — похвалить — поклониться — подивиться — чтить» и т. п.: «кѣто не прославить, кѣто не похвалить, кѣто не поклониться... и кѣто не подивиться...» (19); «да хвалимъ его убо и прославляемъ... и поклонимся ему» (13); «чтуть и кланяются» (27); «похвалимъ... почюдимся... благодарие въздадимъ» (29); «како славять... како поклоняются...» (33); «възрадуися и възвеселися и похвали» (34) и др.

В сходных темах Иларион большей частью повторял, так сказать, ключевые слова, но не обязательно перечисления, и тогда, например, перечислительная форма «познають... и разумеють» (13) в другом месте преобразовывалась в неперечислительную форму «разума еже познати» (24); а, например, перечисление «будущему веку, жизни нетленней» (14) сжималось в словосочетания «вечная жизнь» (13, 14), «будущая жизнь» (29); или, может быть, напротив, именно словосочетания превращались у Илариона в перечисления, ср.: «Господь Богъ» — но «Господь нашъ и Богъ» (25), «Господи и... Боже» (29) — важно не то, какая форма в какую переходила, а наличие конгломерата определенных слов, фразеологически представлявших повествовательную тему каждый раз, когда данная тема затрагивалась.

От литературной цели Илариона мы можем перейти к его умонастроенности. В склонности Илариона к обозначению повествовательных тем повторяющейся мозаикой слов отразился его интерес к структуре событий и явлений, к разложению их на составляющие и смежные элементы. Следствий этого немало. Поэтому Иларион стремился задавать «структурные» вопросы: «Како верова, како разгореся... како въселися... како възиска... како предася... повеждь намъ... Повеждь... откуда ти припахну... откуда испи... откуда въкуси...» (29) и т. д. Метафоры-символы в «Слове» тоже выразили это стремление к членению: Христос не только «закалаемъ бываетъ», но и «дробимъ» (24); новое вероучение — это отделение от старой оболочки: «ново учение — новы мехи, новы языкы» (23), «съвлече же ся... и съ ризами ветъхааго человека съложи тленнаа» (27) и т. п. Но особенно аналитичны в «Слове» длинные сопоставления или противопоставле-

ния лиц и событий — последовательно по многим отдельным эпизодам.

Отсюда проясняется особенность мироотношения автора «Слова». По сравнению с привычными для нас описаниями реальности структурные упражнения Илариона имели одно существенное отличие: Иларион структурировал не свои впечатления от событий и явлений непосредственно, а чужие рассказы о них; из книжных понятий и оценок, тасуемых, как ему было надо, составлял он свое повествование, то есть, по его же разъяснениям, оперировал материалом, «преизлиха насыштьшемся сладости книжныа» (14). Это мир книжника.

Сугубая книжность мироотношения Илариона определила и его принцип изложения похвал или порицаний: многократно отражать, варьировать одну и ту же тему и составляющие ее понятийные элементы, принятые в книжности. Поэтому в «Слове» были часты параллелизмы, когда сказанного один раз оказывалось мало и вторая фраза аналитично варьировала основные элементы первой фразы. Например, порицания язычества содержали параллелизмы «идольский — бесовский», «мрак — тьма» и пр.: «*идольскимъ мракомъ одержиме быти и бесовскимъ служеваниемъ гибнути*» (13); «тогда начать *мракъ идольский* от нас отходити... тогда *тьма бесослугания* погыбе» (28). Еще присутствовали параллелизмы «слепой — блудящий», «слепой — ослепленный»: «бывшемъ намъ *слепомъ* и истиннааго света *не видящемъ*, нъ въ лсти идольстии *блудящемъ*» (24); «*слепи* бехомъ от бесовьскыа лсти сердечными очима, *ослеплени* невидениемъ» (34).

Манере многократного дробно-догматического повторения понятийных элементов соответствовали в «Слове» обширные нанизывания цитат и перифразировок на одну тему — это, как написал Иларион, «памагаеть ми словеси» (31). Иларион даже привел пример одной из похвал, которую произносят «все людие», и она оказалась составленной из демонстративно подчеркнутых повторений и вариаций: «Единъ святъ, единъ Господь... Христос победи, Христос одоле, Христос въцарися, Христос прославися...» (29).

Перечисления в «Слове о Законе и Благодати» обладали еще одной семантической особенностью, тоже непривычной для нас и, вероятно, объяснимой книжным аналитизмом Илариона: член

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выпуск 11

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет изготовлен Л. Кисличенко

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Художник-консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 28.07.2004. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Baskerville.
Усл. печ. л. 57. Тираж 800. Заказ № 1782.

Издательство «Языки славянской культуры».
ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: Lrc@comtv.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).